

DOI 10.23859/1994-0637-2020-6-99-13
УДК 81'246.2

© Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В., 2020

Чиршева Галина Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
<https://orcid.org/0000-0001-6627-693X>
E-mail: gnchirsheva@chsu.ru

Chirsheva Galina Nikolayevna

Doctor of Philology, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
<https://orcid.org/0000-0001-6627-693X>
E-mail: gnchirsheva@chsu.ru

Коровушкин Петр Валерьевич

Кандидат филологических наук,
менеджер ООО «Регион ИДД»
(Череповец, Россия)
<https://orcid.org/0000-0001-9048-3154>
E-mail: korovushkin.petr@mail.ru

Korovushkin Pyotr Valerievich

PhD in Philology,
Manager ООО "Region IDD"
(Cherepovets, Russia)
<https://orcid.org/0000-0001-9048-3154>
E-mail: korovushkin.petr@mail.ru

GRANNY, LOOK HERE:

**ИНИЦИИРУЮЩИЕ РЕПЛИКИ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
В КОММУНИКАЦИИ ДЕТЕЙ-
БИЛИНГВОВ**

**GRANNY, LOOK HERE: ENGLISH
INITIATING MOVES IN BILINGUAL
CHILDREN'S DIALOGICAL
INTERACTION**

Аннотация. Статья посвящена описанию английских иницирующих реплик в диалогическом общении двух моноэтнических билингвальных детей с их родителями, а также бабушкой и дедушкой. Цель работы – описать структурные и прагматические особенности английских реплик в их динамике – на протяжении шести лет формирования русско-английского детского билингвизма. Авторы считают, что количество и структурно-прагматические характеристики англоязычных диалогических инициаций демонстрируют пути развития детского билингвизма и отношение детей к недоминантному языку. На основании наблюдений за этими показателями у двух детей-билингвов удалось установить, что у них сохраняется положительное отношение к использованию недоминантного языка в общении со взрослыми, однако стереотипность иницирующих реплик свидетельствует о низкой динамике развития англоязычной компетенции и усилении несбалансированности билингвизма.

Abstract. The authors deal with English initiating moves in the dialogical interaction of two monoethnic bilingual children with their parents and grandparents. The objective of the paper is to describe structural and pragmatic features of initiating moves in the dialogues of the children for six years – at the age period between one and six years old. The authors argue that the quantity of English dialogical initiating moves as well as their structural and pragmatic characteristics can show the ways of childhood bilingual development and the attitude of the children to their weak language. The results of the research demonstrate that the children maintain a positive attitude to English in their interaction with adults; however, the lack of lexical and grammatical diversity of their initiating English moves is the evidence of slow development in the weak language competence and performance. Moreover, all these results clearly show that the children's bilingualism has been gradually developing as highly unbalanced, accompanied by the traits of L2 attrition.

Ключевые слова: детский билингвизм, выбор кода, инициирование диалога, русский язык, английский язык, лонгитюдный подход

Keywords: childhood bilingualism, code choice, dialogical interaction, initiating moves, Russian, English, longitudinal approach

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-012-00260 «Билингвальная речь детей в условиях одновременного освоения русского и английского языков в моноэтнической семье»).

Введение

Подходы к анализу билингвального дискурса в настоящее время становятся все более разнообразными¹. Переключения кодов и выбор языка в многоязычном общении связывают с коммуникативной ситуацией², с проявлениями идентичности³, социальными ролями⁴.

В данной работе рассматриваются англоязычные инициирующие реплики в диалогической речи двух детей (Миши и Саши), с первого года жизни осваивающих русский и английский языки в одной русской семье в России. Родители применяют принцип билингвального воспитания «один человек – один язык»: русский язык дети усваивают как родной от матери, а английский – от отца, который, будучи носителем русского языка, общается с сыновьями по-английски, т. е. на неродном языке.

Особенности речи детей на каждом из двух языков обуславливаются разными причинами. Как отмечала в своей работе С. Дёпке, к ним относятся и специфика инпута, и применение разных типов коммуникативных стратегий, и характер исправлений ошибок со стороны родителей⁵. Исследуя речь нескольких немецко-английских детей-билингвов в Австралии, она выявила особенности их диалогического общения со взрослыми. Среди ряда показателей, которые демонстрируют успешное формирование сбалансированного билингвизма, С. Дёпке указала частотность инициирования диалогов и лингвистические характеристики инициирующих

¹ Auer P. Introduction: *Bilingual conversation revisited* // *Code-switching in conversation: Language, Interaction and Identity* / edited by P. Auer. – London; New York: Routledge, 2003. – P. 1–24; Hall K., Níle P. C. Code-Switching, Identity, and Globalization // *The Handbook of Discourse Analysis* / edited by D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin. – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2015. – P. 597–600.

² Blom J.-P., Gumperz J. J. Social meaning in linguistic structures: code-switching in northern Norway // *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication* / edited by J. J. Gumperz, D. H. Hymes. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972. – P. 407–434.

³ Woolard K. A. Codeswitching // *A Companion to Linguistic Anthropology* / edited by A. Durrant. – Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd, 2005. – P. 73–94; Myers-Scotton C. Multiple voices: an introduction to bilingualism. – Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd, 2006. – P. 117–120; Hall K. Hypersubjectivity: Language, anxiety, and indexical dissonance in globalization // *Journal of Asian Pacific Communication*. – 2014. – Vol. 24. – № 2. – P. 261–273.

⁴ Auer P. The pragmatics of code-switching: a sequential approach // *One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary Perspectives on Code-switching* / edited by L. Milroy, P. Muysken. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – P. 118.

⁵ Döpke S. One parent – one language: An interactional approach. – Amsterdam: John Benjamins, 1992. – 231 p.

реплик на каждом языке на двух возрастных этапах с интервалом в четыре года – в 2,5 года и в 6,5 лет. В своей работе ученый утверждает, что дискурсивные стратегии детей во многом определялись коммуникативными стратегиями их родителей¹. Такие лонгитюдные исследования билингвальных дискурсивных стратегий у детей – достаточно редкое явление.

Попытки описать разные аспекты речевого поведения детей-билингвов в их диалогическом общении к настоящему времени совершались в работах билингвологов для того, чтобы показать, каким образом дети начинают осваивать дискурсивное поведение в многоязычных ситуациях и добиваться своих коммуникативных целей².

Речевое поведение ребенка в общении с родителями отражает применяемую ими стратегию общения и оценивается по степени активности в использовании иницилирующих высказываний в диалогах с матерью и отцом и частотности ответов на их реплики. Высокие показатели свидетельствуют об активности усвоения соответствующего языка, низкие показатели – о коммуникативных неудачах в общении и об излишней ориентации родителей на контроль речи ребенка³.

Дети-билингвы не всегда выбирают адекватный их собеседникам язык. Иногда этот выбор определяется предметом разговора или отношением детей к языкам. Оценивая дискурсивную компетенцию билингва, билингвологи указывают на значимость сбалансированного присутствия иницилирующих реплик на каждом языке и сохранение кода на том языке, на котором к ребенку обращаются взрослые. При этом учитывают специфику структурирования таких реплик на каждом из двух языков, а также их коммуникативно-прагматические характеристики. В данной работе будут рассматриваться только иницилирующие реплики на английском языке на протяжении пяти лет развития русско-английского детского билингвизма.

Основная часть

Цель данной работы – установить взаимосвязь между структурными и прагматическими особенностями иницилирующих реплик детей на недоминантном языке, с одной стороны, и спецификой их билингвального развития, с другой.

¹ Döpke S. One parent – one language: An interactional approach. – Amsterdam: John Benjamins, 1992. – P. 195–199.

² Döpke S. One parent – one language: An interactional approach. – Amsterdam: John Benjamins, 1992. – 231 p.; Zentella A. C. Growing Up Bilingual: Puerto Rican Children in New York. – Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2000. – 323 p.; Jørgensen J. N. Children's acquisition of code-switching for power wielding // Code-switching in conversation: Language, Interaction and Identity / edited by P. Auer. – London; New York: Routledge, 2003. – P. 237–261; Rontu H. Codeswitching in triadic conversational situations in early bilingualism // International Journal of Bilingualism. – 2007. – Vol. 11. – № 4. – P. 337–358; García-Sánchez I. Serious games: code-switching and gendered identities in Moroccan immigrant girls' pretend play // Pragmatics. – 2010. – Vol. 20. – № 4. – P. 523–555; Kyrtatzis A. Latina girls' peer play interactions in a bilingual Spanish-English U.S. preschool: Heteroglossia, frame-shifting, and language ideology // Pragmatics. – 2010. – Vol. 20. – № 4. – P. 557–586.

³ Döpke S. One parent – one language: An interactional approach. – Amsterdam: John Benjamins, 1992. – 231 p.

Мы предполагаем, что значимыми при этом будут следующие явления: адекватность выбора собеседника, объем реплики, корректность ее структурирования и разнообразие лексического наполнения, прагматическая функция.

Материалом для исследования послужили видео- и дневниковые записи речи двух детей в одной семье. Речь мальчиков не сравнивалась, отмечались лишь отдельные индивидуальные различия, если они позволяли выявить дополнительные характеристики иницирующих реплик. Возраст детей – от 1,5 лет, когда они начали проявлять диалогическую активность с использованием английского языка, до 6 лет.

К русскоязычным собеседникам наблюдаемые дети-билингвы практически всегда обращались по-русски. Исключения были редкими и фиксировались только на самых ранних этапах – до дифференциации языков (приблизительно до 2,5 лет). Это означает следующее: когда дети начали понимать, что в их коммуникации присутствуют два языка, они дифференцировали их в зависимости от языков своих собеседников. Однако мальчики делали это успешно только по отношению к собеседникам с доминантным языком.

Что касается общения с англоязычными собеседниками, ситуация с иницированием диалогов на английском языке была не столь однозначной. Количественное соотношение иницирующих реплик на недоминантном (английском) и доминантном (русском) языках в тех случаях, когда наблюдаемые дети должны были разговаривать по-английски, на всех возрастных этапах не превышало 50 %. Это означает, что выбор англоязычных иницирующих реплик в ситуациях англоязычного общения не отвечал ожидаемому количеству: дети часто начинали разговор с русскоязычных реплик. Если оценить динамику в этом аспекте, то очевидно, что к шести годам русские дети все реже иницировали свои диалоги на английском языке, даже несмотря на то, что понимали, какой язык от них ожидают.

На тех ранних этапах (от 1,5 до 2 лет), когда высказывания мальчиков были чаще всего однословными и двусловными, а словарь включал мало межъязыковых функциональных эквивалентов, иницирование общения выглядело как желание ребенка обратить внимание взрослых на окружающие предметы. Например, если ребенок произносил *“Car!”* и показывал на машину, это было его желание иницировать общение, которое взрослые поддерживали ответными репликами на английском языке (*“Yes, it’s a car”*; *“Yes, it’s a big car”* и т. п.). До двух лет такие «диалоги» особенно часто иницировал Миша: во время прогулок он показывал почти на все автомобили. Если Миша хотел, чтобы ему прочитали книжку, он приносил ее и произносил: *“Book”*. Так он вполне недвусмысленно иницировал свою англоязычную просьбу. У Саши до двух лет иницирующие реплики на английском языке, даже такие однословные и короткие, как у его старшего брата, были очень редким явлением. Лишь иногда он констатировал какие-то факты, например, любил надевать ботиночки дома и ходил в них, повторяя: *“Boo(t)”*. Условно можно отнести такие высказывания к сообщениям.

С двух лет активный англоязычный словарь у детей значительно вырос, чаще ими стали использоваться и иницирующие реплики. На третьем году жизни мальчиков среди их иницирующих реплик на английском языке преобладали сообщения-констатации о наличии или местонахождении каких-то значимых для них объектов и просьбы, однако появились также англоязычные вопросы и обращения.

Сообщения были нацелены на привлечение внимания к объектам или действиям. Иногда с помощью интонации и / или добавления междометий дети выражали свои эмоции. Например, Миша взял чашку и сообщил: *"Tea"*; показал на картинке волка и прокомментировал: *"Wolf"*; попытался клюшкой сдвинуть шайбу, приговаривая: *"Puck"*; увидел автобус, показал на него: *"Bus!"*; воскликнул, показав на ручку: *"O-o-o, pen!"*; открывая книжные шкафы, произнес: *"Book"*; побежал к книжному шкафу с восклицанием: *"O, book!"* Саша увидел собачку, которая бежала вверх по лестнице, и воскликнул: *"Dog!"*; на улице вечером показал на луну и сообщил бабушке: *"Moon"*; снял гитару с ручки двери и сказал: *"Guitar"*; показывал в окно на машины и восклицал: *"Car! Car!"*; увидел мячи в мультфильме на английском языке и закричал, указывая на них: *"Ball, ball!"*

Комментарии к действиям в иницирующих репликах наблюдались реже и в этом возрасте только у Миши: он прыгал и повторял: *"Jump!"*; рисовал и комментировал: *"Draw"*; поднимался по лестнице и говорил: *"Up!"*

Структурно такие реплики не всегда были однословными: к существительным дети иногда добавляли отрицательную частицу, неопределенный артикль, указательное / притяжательное местоимение и / или прилагательное. Например, Миша закрасил машинку на рисунке и, разводя руками, сказал: *"No car!"*; взял книжку и прокомментировал: *"A book"*; посмотрел в окно и заметил: *"A big car!"*; приехал в комнату на грузовичке, комментируя: *"A big truck, this truck, big truck, truck big"*; увидел книгу, которую читал ему папа, и сообщил: *"Daddy book"*; показал бабушке на ее машину и сказал: *"Your car"*; сделав большой куличик из песка, отметил: *"A big tower"*; принес сломанную машинку дедушке и пожаловался: *"Car broken"*. Саша, показывая на картинку, сказал: *"A piggy"*; показал на машину дедушки: *"Grandad car"*.

В иницирующих репликах двухлетнего Миши появились и грамматически корректно оформленные предложения: он рисовал и комментировал: *"It's a car"*; играя камешками в песочнице, приговаривал: *"It's a pebble"*; прятался, выглядывая и восклицал: *"I see you!"*

Просьбы двухлетних детей в их иницирующих репликах по структуре чаще всего были безглагольными, когда мальчики просили им что-то дать, называя эти объекты и указывая на них, например: *"Cup!"*, *"Pear!"*, *"Apple!"*, *"Ball!"*, *"Pot!"*, *"Water!"* и т. д. В безглагольных просьбах иногда присутствовали наречия, которые отражали желания детей повторять какие-то действия: *"More!"*, *"Again, again!"*

Во второй половине третьего года жизни дети инициировали свои просьбы, используя и некоторые глаголы, например: *"Come! Come!"*, *"Look!"*, *"Sit!"*, *"Draw!"*, *"Play!"*, *"Take!"*, *"Swing!"*, *"Push!"*, *"Read!"*, *"Get up!"* Иногда они комбинировали глаголы с названиями объектов: *"Play ball!"*, *"Read book!"*, *"Draw car!"*

В иницирующих репликах двухлетних детей были зафиксированы вопросы, которые они еще не вполне корректно оформляли грамматически, например: *"Where ball?"* и *"What this?"* Некоторые вопросы они задавали с целью удостовериться в чем-то; например, Саша помогал разбирать предметы и, если предполагал, что вещь бабушкина, спрашивал: *"You?"*

Тот факт, что указанные выше высказывания, состоящие из двух слов, не всегда были грамматически правильно оформлены (отсутствуют артикли перед существи-

тельными, опущен глагол в вопросе), свидетельствует о способности детей не только инициировать диалог на недоминантном языке, но и конструировать свои собственные предложения, а не имитировать то, что они услышали в речи взрослых. Недостатки в грамматическом оформлении в данном случае можно оценить по-разному: 1) негативно – как наличие серьезного интерферентного влияния со стороны более сильного (доминантного) языка; 2) позитивно – как свободу детей в самовыражении на недоминантном языке, отсутствие у них языкового барьера.

Некоторые однословные реплики можно рассматривать как полиинтенциональные. Например, когда Саша хотел пойти в другую комнату, он сообщил папе, показывая в коридор: “*Dark*”. Это была и констатация факта, и просьба пойти вместе с ним и включить свет в коридоре.

В возрасте двух лет дети почти никогда не инициировали диалоги с помощью англоязычных обращений и фатических высказываний. Единичными были обращения Саши к дедушке: “*Granddad!*” Миша лишь однажды по своей инициативе поприветствовал с помощью английского “*Hi!*” то, что он увидел на улице – небо, траву, деревья.

Особенность англоязычных инициирующих реплик у детей в возрасте двух лет заключалась в следующем: не до конца дифференцировав языки и языковые особенности коммуникантов, они иногда и со своими русскоязычными собеседниками тоже начинали диалоги на английском.

У трехлетних детей самыми частотными инициирующими репликами были просьбы. Среди них, как и ранее, наблюдались безглагольные, например: “*Water!*”, “*Cookie!*”, “*Marmalade*”, когда дети просили им что-то дать или включить, например: “*Cartoon*”. Безглагольными были и команды, например, когда Саша регулировал процесс действий в игре: “*Some more, some more, enough!*” Просьбы, оформленные глаголом в повелительном наклонении, теперь встречались чаще, хотя по лексическому наполнению они мало отличались от структур предыдущего года, например: “*Open!*”, “*Look!*” Наиболее заметным отличием просьб трехлетних детей оказалось то, что они усложнились по структуре, появились новые конструкции: “*Let’s go! Let’s go!*”; “*Give me!*”; “*Daddy, open the door!*”; “*Give me your hand*”; “*Fix it!*” Новым явлением было и то, что дети самостоятельно, без напоминаний взрослых, перестраивали свои просьбы в инициирующих репликах, если выбирали русский язык вместо английского. Например, Миша попросил бабушку открыть коробку: “*Om... Open!*” Спускаясь с крыльца, Миша сказал бабушке: «*Дай руку*» и тут же, без напоминания, продублировал: “*Give me your hand*”. Кроме того, в инициирующие реплики с просьбами иногда включались и сообщения, например: “*Look, look! I building a house*”.

Новым видом просьб у трехлетнего Миши стали косвенные реквестивы – утвердительные по форме предложения с глаголом *want*, например: “*I want to see cartoons*”; “*I want on window-sill*” (Миша просил посадить его на подоконник, чтобы он мог видеть машины на улице); “*I want alone*” (Миша сказал это, когда он сидел на кресле и смотрел мультфильм, а бабушка наклонилась к нему через спинку кресла). У Саши такие структуры зафиксированы не были.

Среди сообщений, которыми ребенок привлекал внимание взрослых, по-прежнему преобладали назывные предложения, но существительные теперь иногда адекватно использовались в форме множественного числа, а в единственном числе

оформлялись неопределенным артиклем, например: “*Books*”, “*A book*”, “*Mouse*”, “*Horse*”, “*A dog*”, “*Robot*”, “*House*”, “*A batman!*” В иницирующих репликах с сообщениями чаще стали наблюдаться словосочетания: “*Lion king*”, “*White car*”.

Вопросы в иницирующих репликах у трехлетних детей не отличались разнообразием, но теперь они чаще всего были грамматически правильно оформлены. Миша активно задавал вопросы: “*What’s this?*” Иногда это были не запросы информации, а удостоверительные вопросы, поскольку в некоторых ситуациях очевидным являлось то, что ответы он знает, но, видимо, задавая эти вопросы в присутствии бабушки и дедушки, хочет сделать приятное папе и продемонстрировать свои умения. Саша часто рассматривал фотографии и спрашивал по-английски: “*Who is that?*”; “*And this?*” Наблюдались в иницирующих репликах и декларативные вопросы; например, Миша, глядя на иллюстрации в книге, спросил бабушку: “*It’s a train?*” С одной стороны, можно увидеть в такой структуре синтаксическую интерференцию (влияние русского порядка слов), а с другой – использование вполне приемлемых и частотных в английской разговорной речи удостоверительных вопросов.

Заметно отличало иницирующие реплики от реплик предыдущего года то, что оба ребенка дифференцировали свои обращения в зависимости от языка собеседника: к англоговорящим теперь обращались только по-английски: “*Dad!*”, “*Daddy!*” “*Granny!*”, “*Granddad!*”, “*Grandpa!*”

Новым явлением в иницирующих репликах трехлетних детей стало активное использование фатических высказываний “*Good night*”, “*Good-bye!*”, “*Thank you*” (как благодарность за что-то – у Саши), нередко включавших и обращения, например: “*Good night, daddy*”.

Не очень частотными, но достаточно интересными новшествами в иницирующих репликах трехлетних детей были полиинтенциональные высказывания; например, когда бабушка отвлеклась и не сделала рисунок, который Саша ждал, он воскликнул: “*Granny, you sleeping?!*” (эмоциональное сообщение + вопрос).

Интеррогативные интенции в иницирующих репликах четырехлетних детей являлись самыми частотными. В большинстве вопросов оба использовали вопросительные слова *what* и *where*, например: “*What’s this? And this?*” (об изображениях зверей и птиц на картинках); “*Where are we going?*” (на прогулке с бабушкой); “*Where is my police car?*” (об игрушечной машинке); “*Where is granddad?*”; “*Where is mummy gone?*”; “*Granny, where are you?*”. Саша часто задавал вопрос “*What?*”, просто показывая на предмет, или в том случае, если на него кто-то долго смотрел. Реже дети задавали вопросы, начинающиеся с *Who*: “*Who is that?*” (показывая на людей в книжке). Некоторые вопросы Миша задавал сам себе, причем в виде сложного предложения; например, ходил по коридору и спрашивал: “*And where is granny, I wonder.*”

Если Миша был чем-то очень сильно увлечен, то инициировал целый комплекс вопросов; так, рассматривая «Большой атлас мира», он спрашивал у бабушки: “*Who is that? Where is my kindergarten? Where is papa’s work?*”

Специальные вопросы в этом возрасте отличались от структур, использовавшихся в более ранние периоды, тем, что строились почти всегда грамматически правильно (например, с формами Present Continuous: “*What is granddad doing? And what are you doing?*”; “*Granny, what are you doing there?*”). В иницирующих вопросах

(как в специальных, так и в общих) находили отражение знания и других грамматических форм. Так, например, было очевидно, что Миша уверенно использовал абсолютную форму притяжательных местоимений 1 и 2 л. ед. ч., когда он спросил папу, показав на тарелку: *"Is it mine? And where is yours?"* Лишь в предложениях, где вопрос был в косвенной речи, он не перестраивал порядок слов, как это требуется. Так, отвечая себе на свой вопрос (*"Granny, where are you?"*), ребенок сообщил: *"I don't know where is granny"*. В данном случае целое диалогическое единство можно считать иницирующим, так как в нем кроме Миши никто не участвовал.

Сообщения в англоязычных иницирующих репликах у четырехлетних детей чаще всего были оформлены как грамматически правильные конструкции. Если мальчики называли какой-то объект, то практически всегда – в составе предложения, начинающегося с *This is a...* или *It's a...*, например: показав царапину, Миша прокомментировал: *"It's a scratch"*; продемонстрировав печенье в форме медведя, сказал папе: *"This is a bear"*; показал бабушке на обложке книги льва и девочку: *"This is a king lion. This is a girl"*. Сходные, но более разнообразные структуры Миша использовал при распределении ролей в игре: *"You are a bear, and you are another bear. I am a rabbit, u Cаша – another rabbit"*. Сообщения о действиях в момент речи Миша правильно оформлял глаголами в Present Continuous: *"Granny, I'm going to walk"*; *"Granny, nana is coming"*; *"Peter is coming"*; *"Grandad is eating soup"*; *"Alex is sleeping"*.

У Саши также наблюдались грамматически правильно оформленные структуры в иницирующих репликах, но реже, чем у Миши. Корректно он оформлял предложения в настоящем времени, а иногда и в будущем: *"Granny, it's you!"* (на фотографиях); *"You'll break my mummy"*; *"It's cold"*; *"I want this one"* (сообщал о том, что хочет «купить» в игре «Монополия»). Иногда он опускал глаголы-связки: *"Daddy, I here"*. В некоторых ситуациях, видимо, не зная, как назвать по-английски какие-то предметы, указывал на них и сообщал: *"This one"*. Эту структуру Саша использовал и тогда, когда хотел продемонстрировать какую-то позу.

Просьбы и команды в иницирующих репликах обоих детей практически всегда включали глагол в повелительном наклонении: *"Alex, come here!"* (Миша командовал своему младшему брату); *"Come here!"*; *"Granny, let's go to your room"*; *"Granny, give me a plate!"*; *"Look, granny!"*; *"Granny, let's go to eat!"* Некоторые просьбы были комплексными – в их состав входило сразу несколько предложений; например, играя с бабушкой на площадке, Саша позвал ее: *"Granny, come here! Look at me!"*

Иногда дети уже привычно оформляли просьбы как косвенные речевые акты – в виде повествовательных предложений с глаголом *want*: *"I want Hong Kong dancing"* (Миша хотел посмотреть видеозапись из Гонконга); *"I want this one"* (Саша показал, какой мультфильм хотел смотреть); *"I want some more!"* (Миша просил папу снова поднять его вверх на руках).

Иницирующие реплики Саши иногда были полиинтенциональными – включали сообщение и просьбу: *"Granny, I am hungry. Granny, I want bread u butter"*.

Почти всегда в этом возрасте дети обращались к их англоязычным собеседникам на английском: *Daddy, Granny, Granddad*. Приветствия и прощания дети тоже всегда говорили по-английски, в том числе и по телефону: *"Granny, hello!"*; *"See you later!"*; *"Good-bye, granny"*; *"Bye-bye, granny"*. Оба мальчика любили произносить шутливое

прощание, которое усвоили от бабушки, а теперь сами инициировали при расставании: *"See you later, alligator"*.

В пятилетнем возрасте дети в своих инициирующих репликах использовали почти такие же структуры, как и годом ранее. Чаще всего они задавали специальные вопросы с вопросительными словами *where* и *what*: *"And what is this?"*; *"What are they doing?"*; *"And what is granny doing?"* Саша, как и раньше, иногда задавал целый комплекс вопросов: *"Daddy, what are you doing? Mickey, what are you doing? Or you are not Mickey?"*

Среди неместоименных вопросов появились вопросы о намерениях, начинающиеся с *"Will you play..."*, например: *"Daddy, will you play cards?"*; *"Granny, will you play chess?"* Дети часто формулировали неместоименные вопросы как декларативные, т. е. без инверсии главных членов предложения: *"This is you?"*

Инициирующие реплики, содержащие сообщения, по структуре почти ничем не отличались от более ранних, лишь некоторые грамматические формы мальчики теперь употребляли правильнее. Например, притяжательные местоимения и существительные, указывающие на принадлежность, были в этом возрасте чаще всего правильными: *"This is my robot, and this is Alex's robot"*; *"This is mine. And where's yours?"* Немного разнообразнее данные сообщения оформлялись и с точки зрения их лексического наполнения: *"This is my car, not yours"*; *"I have a ball"*; *"I have a scooter"*. Однако у Саши явно усиливалась интерференция, поскольку в его сообщениях часто отсутствовал глагол: *"I with you!"* (хотел пойти вместе с бабушкой). Миша начал чаще ошибаться с использованием неопределенного артикля: *"The spider is a big"* (возможно, он не закончил предложение, забыв о существительном).

Не отмечено новых явлений и в инициировании побуждений, дети использовали глагольные императивы и декларативы с *"I want..."*: *"Granny, look!"*; *"I want a big cup, like granddad's"*. Интересна была только песенка, которую Миша сочинил о маме: *"Wear this, oh wear this, da-da, mama, wear this"* (русскую вставку мальчик явно адресовал маме, как и саму песню, которую автор прокомментировал: *«Я пою это маме, когда она в красивом платье»*).

Пятилетние дети всегда использовали только английские обращения, адресуя высказывания англоязычным собеседникам. Саша стал часто выражать благодарность по-английски, когда выходил из-за стола или уезжал от бабушки: *"Thank you, Granny!"* Он уже знал, как нужно поздравить с днем рождения, поэтому в день рождения бабушки зашел к ней домой и сразу поздравил: *"Granny, happy birthday!"*

В шесть лет динамика развития структуры, семантики и прагматики инициирующих реплик на английском языке практически отсутствовала: дети использовали те же структуры, что и прежде, появлялось очень мало новой лексики, но грамматически они строили предложения не менее корректно, чем раньше. Если нужно было назвать что-то новое, то мальчики узнавали эти слова у папы или бабушки и применяли их, начиная диалоги, например, во время игр с новыми игрушками: *"He is driving to the garage"*. Дети по-прежнему инициировали некоторые реплики, но доминирование русского языка становилось все заметнее, русскоязычная компетенция активно развивалась, а англоязычная остановилась в развитии. Именно инициирующие реплики давали возможность понять, что несбалансированность детского билингвизма усиливается.

Выводы

Анализ англоязычных иницирующих реплик двух детей, одновременно усваивающих русский и английский языки в русской моноэтнической семье в России, позволил выявить следующие особенности.

В общении с англоязычными собеседниками дети часто инициировали свои диалоги не на английском языке, который от них ожидался, а на доминантном, русском. Это свидетельствует о заметном несбалансированном развитии их билингвизма. Кроме того, здесь очевидна и коммуникативная стратегия родителей: они не прерывали коммуникацию, если ребенок выбирал не тот язык, который от него ожидали. С одной стороны, это не способствует активизации англоязычного общения, а с другой – не мешает коммуникации и не вызывает у ребенка негативного отношения к английскому языку, поскольку родители демонстрируют интерес к тому, что говорит ребенок, а не к языку, выбираемому им для общения. Последнее подтверждается опросами, которые проводили родители: дети сообщали, что они хотят говорить по-английски. Это же подкрепляется и наблюдениями: мальчики никогда не отказывались разговаривать по-английски, если их прямо об этом просили.

Самую большую активность в инициировании диалогов на английском языке дети демонстрировали в возрасте трех-четырех лет. Если в количественном отношении динамика инициирования англоязычного общения у детей к шести годам постепенно снижалась, то сами иницирующие реплики показывали возрастающую лексико-грамматическую компетенцию детей в английском языке. Их реплики стали коммуникативно разнообразнее и корректнее оформлены: среди них были и утверждения, и просьбы, и вопросы (как общие, так и специальные).

Если какие-то лингвистические явления наблюдаются в иницирующих репликах, это означает, что ребенок использует их уже вполне осознанно, поэтому именно анализ данных реплик позволяет оценить его морфосинтаксическую и лексическую компетенции. Так, можно было проследить, что оба ребенка уверенно освоили лишь две видовые формы настоящего времени (Present Indefinite и Present Continuous), остальные видовременные формы встречались только в ответных репликах, что не свидетельствует о самостоятельности и осознанности в их употреблении.

Одним из показателей низкой динамики развития англоязычной компетенции, который можно проследить по результатам анализа иницирующих реплик, является то, что структурно и лексически они перестали меняться, оставаясь стереотипными на протяжении последних двух лет. Поскольку при этом русскоязычная компетенция постоянно развивается, билингвизм у детей становится все менее сбалансированным.

Таким образом, с помощью лонгитюдного изучения иницирующих реплик детей на недоминантном для них языке удалось установить следующие характерные черты их билингвального развития: иницирующие реплики показывают, что дети по-прежнему положительно относятся к английскому языку, проявляют желание на нем общаться, однако их компетенция в двух языках формируется все более несбалансированно – недоминантный язык значительно отстает в динамике развития от доминантного языка, т. е. языка общества.

Литература

Чиршева Г. Н. Грамматика детских кодовых переключений // Проблемы детской речи–1999: материалы Всероссийской конференции (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 1999 г.) / под редакцией С. Н. Цейтлин. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 1999. – С. 196–197.

Чиршева Г. Н. Двухязычная коммуникация. – Череповец: ЧГУ, 2004. – 189 с.

Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Смешанные высказывания билингвальных детей в русскоязычной семье // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 48. – С. 84–97.

Auer P. Introduction: *Bilingual conversation revisited* // *Code-switching in conversation: Language, Interaction and Identity* / edited by P. Auer. – London; New York: Routledge, 2003. – P. 1–24.

Auer P. The pragmatics of code-switching: a sequential approach // *One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary Perspectives on Code-switching* / edited by L. Milroy, P. Muysken. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – P. 115–135.

Blom J.-P., Gumperz J. J. Social meaning in linguistic structures: code-switching in northern Norway // *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication* / edited by J. J. Gumperz, D. H. Hymes. – New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972. – P. 407–434.

Döpke S. One parent – one language: An interactional approach. – Amsterdam: John Benjamins, 1992. – 231 p.

García-Sánchez I. Serious games: code-switching and gendered identities in Moroccan immigrant girls' pretend play // *Pragmatics*. – 2010. – Vol. 20. – № 4. – P. 523–555.

Hall K. Hypersubjectivity: Language, anxiety, and indexical dissonance in globalization // *Journal of Asian Pacific Communication*. – 2014. – Vol. 24. – № 2. – P. 261–273.

Hall K., Nilep C. Code-Switching, Identity, and Globalization // *The Handbook of Discourse Analysis* / edited by D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin. – Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2015. – P. 597–619.

Jørgensen J. N. Children's acquisition of code-switching for power wielding // *Code-switching in conversation: Language, Interaction and Identity* / edited by P. Auer. – London; New York: Routledge, 2003. – P. 237–261.

Kyrtzias A. Latina girls' peer play interactions in a bilingual Spanish-English U.S. preschool: Heteroglossia, frame-shifting, and language ideology // *Pragmatics*. – 2010. – Vol. 20. – № 4. – P. 557–586.

Myers-Scotton C. Multiple voices: an introduction to bilingualism. – Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd, 2006. – 457 p.

Rontu H. Codeswitching in triadic conversational situations in early bilingualism // *International Journal of Bilingualism*. – 2007. – Vol. 11. – № 4. – P. 337–358.

Woolard K. A. Codeswitching // *A Companion to Linguistic Anthropology* / edited by A. Duranti. – Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd, 2005. – P. 73–94.

Zentella A. C. *Growing Up Bilingual: Puerto Rican Children in New York*. – Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2000. – 323 p.

References

Chirsheva G. N. Grammatika detskikh kodovykh perekliuchenii [Grammar of child code switches]. *Problemy detskoi rechi–1999: materialy Vserossiiskoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 24–26 noiabria 1999 g.)* [Problems of child speech – 1999: proceedings of All-Russian conference (St Petersburg, 24–26 November 1999); ed. by S. N. Tseitlin]. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena, 1999, pp. 196–197.

Chirsheva G. N. *Dvuiazychnaia kommunikatsiia* [Bilingual communication]. Cherepovets: ChGU, 2004. 189 p.

Chirsheva G. N., Korovushkin P. V. Smeshannye vyskazyvaniia bilingval'nykh detei v rus-skoiazychnoi sem'e [Mixed speech of bilingual children in a Russian family]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal of Philology], 2017, no. 48, pp. 84–97.

Auer P. Introduction: *Bilingual conversation* revisited. *Code-switching in conversation: Language, Interaction and Identity*; ed. by P. Auer. London; New York: Routledge, 2003, pp. 1–24.

Auer P. The pragmatics of code-switching: a sequential approach. *One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary Perspectives on Code-switching*; ed. by L. Milroy, P. Muysken. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, pp. 115–135.

Blom J.-P., Gumperz J. J. Social meaning in linguistic structures: code-switching in northern Norway. *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*; ed. by J. J. Gumperz, D. H. Hymes. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972, pp. 407–434.

Döpke S. *One parent – one language: An interactional approach*. Amsterdam: John Benjamins, 1992. 231 p.

García-Sánchez I. Serious games: code-switching and gendered identities in Moroccan immigrant girls' pretend play. *Pragmatics*, vol. 20, no. 4, pp. 523–555.

Hall K. Hypersubjectivity: Language, anxiety, and indexical dissonance in globalization. *Journal of Asian Pacific Communication*, 2014, vol. 24, no. 2, pp. 261–273.

Hall K., Níleap C. Code-Switching, Identity, and Globalization. *The Handbook of Discourse Analysis*; ed. by D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2015, pp. 597–619.

Jørgensen J. N. Children's acquisition of code-switching for power wielding. *Code-switching in conversation: Language, Interaction and Identity*; ed. by P. Auer. London; New York: Routledge, 2003, pp. 237–261.

Kyratzis A. Latina girls' peer play interactions in a bilingual Spanish-English U.S. preschool: Heteroglossia, frame-shifting, and language ideology. *Pragmatics*, 2010, vol. 20, no. 4, pp. 557–586.

Myers-Scotton C. *Multiple voices: an introduction to bilingualism*. Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd, 2006. 457 p.

Rontu H. Codeswitching in triadic conversational situations in early bilingualism. *International Journal of Bilingualism*, 2007, vol. 11, no. 4, pp. 337–358.

Woolard K. A. Codeswitching. *A Companion to Linguistic Anthropology*; edited by A. Duranti. Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd, 2005, pp. 73–94.

Zentella A. C. *Growing Up Bilingual: Puerto Rican Children in New York*. Malden, MA; Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2000. 323 p.

Для цитирования: Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. *Granny, look here*: иницирующие реплики на английском языке в коммуникации детей-билингвов // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 6 (99). – С. 153–164. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-6-99-13

For citation: Chirsheva G. N., Korovushkin P. V. *Granny, look here*: English initiating moves in bilingual children's dialogical interaction. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 6 (99), pp. 153–164. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-6-99-13